

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1919 гг.)

На примере Томской губернии рассматривается проблема формирования власти на местах в период революционных событий 1917 г. и Гражданской войны. Анализируются условия и факторы, влиявшие на становление и развитие органов губернской власти, дается оценка эффективности функционирования каждого из небольшевистских политических режимов относительно проблемы выстраивания центр-региональных отношений. Делается вывод о том, что ни одному из небольшевистских правительств Сибири не удалось создать эффективную систему государственной власти на местах.

Ключевые слова: революция в России; Гражданская война; история Сибири; белые правительства, региональная власть.

Революция и Гражданская война – периоды наиболее острого противостояния социально-политических сил и отстаиваемых ими альтернативных путей развития общества. Закрепиться и получить право на дальнейшее существование способен только один вариант, наиболее полно отвечающий сложившейся политической и общественной ситуации. Период революции и Гражданской войны в России не является исключением. Пиком противостояния стало противоборство двух кардинально противоположных путей развития страны: радикально-большевистского и консервативно-демократического, лежащего в основе антибольшевистских правительств.

Отдельные проблемы формирования власти на губернском уровне уже нашли отражение в исторической литературе, однако специального исследования, посвященного данному вопросу, пока нет [1–6]. В данной работе автор ставит перед собой цель реконструировать процесс формирования и эволюции органов губернской и уездной власти в период революции и Гражданской войны на примере Томской губернии, что позволит выявить причины неудач и просчетов небольшевистских сил в формировании эффективной системы управления.

После получения 28 февраля 1917 г. известий о свершившейся в Петрограде революции в Томске, как и в других сибирских городах, начался активный процесс смены власти. Стоит отметить, что проходил он спонтанно. Формирование новых властных структур на местах – общественных комитетов – началось еще до официального постановления нового правительства об организации власти (4 марта 1917 г.) и без его активного участия. Данную ситуацию можно объяснить тем, что в городе за годы войны на основе военно-промышленного комитета и других общественных организаций сформировалась и активно проявила себя группа общественных деятелей, работа которых была направлена на решение неотложных проблем. Именно они, уже знакомые городу местные политики, постарались как можно быстрее заполнить образовавшийся в ходе революции «вакуум власти» и сосредоточить управление в руках вновь образованных ими органов.

2 марта 1917 г. в городе был сформирован Временный комитет общественного порядка и безопасности, в который вошли представители политических партий эсеров, меньшевиков, большевиков и кадетов.

В составе комитета были представители Государственной думы, а также различных ведомств и учреждений: почтово-телеграфного, округа путей сообщения, биржевого общества, Томского технологического института и др. Вскоре после создания, уже 4–5 марта Томский временный комитет объявил себя губернским органом власти. Руководящую роль в нем заняли эсеры и меньшевики, а председателем стал известный в городе юрист Борис Митрофанович Ган. К 7–8 марта комитет окончательно сформировался и насчитывал порядка 130 человек. Согласно постановлению Томского временного комитета от 7 марта 1917 г. он объявлялся представителем государственной власти на местах и отвечал за порядок. «Всякое противодействие Временному правительству и его представителю – временному комитету – является изменой и будет пресекаться самым решительным образом», – отмечалось в документе [7. 9 марта]. Вскоре из состава комитета был избран комиссариат по управлению губернией, состоящий из 3 человек. В новый властный орган вошли известные в городе общественные и политические деятели: неприменный член Томского губернского управления А.А. Барок, помощник заведующего переселенческим управлением М.А. Воскобойников и присяжный поверенный П.В. Вологодский. Председателем комиссариата также стал Б.М. Ган. Актом образования комиссариата Временный комитет принял на себя роль правительственного посредника и стал претендовать на всю полноту власти в губернии.

Однако местные процессы шли вразрез с намерениями центральной власти. Временное правительство объявляло о широкой демократизации власти и общества, но стремилось держать процесс формирования власти на местах под контролем. Постановлением правительства от 4 марта 1917 г. [8. С. 293] утверждался институт губернских и уездных комиссаров как орган, представляющий центральную власть на местах. Губернские комиссары должны были следить за правильностью исполнения распоряжений правительства и содействовать общественным комитетам. В тех губерниях, где существовали органы земского самоуправления, на должности губернских и уездных комиссаров были назначены соответственно председатели губернских и уездных земских управ. В губерниях, где земство не было учреждено (в том числе и в сибирских), вопрос об административном управлении

оставался открытым. Этот вопрос должен был решаться в ходе консультаций правительства и местных общественных организаций. Так, в Сибири обязанности губернских комиссаров временно были возложены на городских голов. Уездных комиссаров правительство полагало назначать из числа лиц представляемых губернскими комиссарами и рекомендованных или избранных уездными комитетами. Однако многие сибирские губернии столкнулись с трудностями в выборе комиссара, другие не признавали необходимости в этом. Правительство, пытаясь решить эту проблему, направляло в такие губернии своих комиссаров, основной задачей которых была помощь в организации местной власти, в частности избрание губернского комиссара из представителей местной общности. Правительственным комиссаром по Томской губернии был назначен бывший директор Томского технологического института и известный городу общественный деятель – Ефим Лукьянович Зубашев, который прибыл в Томск 19 марта 1917 г.

Е.Л. Зубашев после знакомства с представителями комитета дал следующую характеристику членам его распорядительного бюро: «При первом же знакомстве с членами бюро я получил ясное представление о значении отдельных его членов. По правую руку от Гана сидели три социал-революционера, а по левую – три большевика. Сам Ган хотел себя видеть независимым беспартийным деятелем, но это ему плохо удавалось» [9. С. 102]. Приступив к работе по организации власти, Е.Л. Зубашев столкнулся с сильным противодействием членов общественного комитета. Новая местная власть относилась к комиссару с недоверием, видела в этом назначении стремление правительства ограничить власть на местах, вернуться к режиму «царской бюрократии». Этот конфликт позволяет предположить, что в данный период в городе действительно сложилась определенная местная элита, которая стремилась закрепить власть за собой, и не допустить представителей центра к рычагам управления на местах. Обращаясь к демократической риторике, представители комитета находили законное объяснение своей власти.

Еще более ситуацию осложнило начавшее работу губернское Народное собрание. Народные собрания, создававшиеся на всех уровнях, представляли собой совершенно новую систему управления губернией, процесс создания которой шел вне центрального законодательства. Вновь создававшаяся система была призвана в дальнейшем заменить временные комитеты. Томское Народное собрание, эсеровское по своему составу (61,3%), видело идеал будущего устройства власти в губернии в демократическом коллективном управлении. Так, на одном из первых заседаний члены Собрания высказали идею о неприятии института комиссаров. Собрание допускало возможность его существования временно, до создания демократических органов местного самоуправления, таких как земства и думы, а также в исключительных случаях, если «правительство не знает, кому доверять на местах» [10. 18 мая]. Все полномочия губернских комиссаров Народное собрание считало возможным

выполнять городским головам и председателям земских управ. Надзор же за законностью постановлений предполагалось поручить судам разных уровней. В таких заявлениях представителей народной власти прослеживается явное влияние эсеровской идеологии.

Представители партии эсеров были наиболее активной и многочисленной политической силой губернии, они первыми начали организационное оформление власти и всячески стремились подчеркнуть ее народный характер, выступая против намерений правительства поставить губернскую администрацию под контроль. Таким образом, можно говорить о том, что в данный период в губернском центре была предпринята попытка институционализация власти «снизу» в обход намерений правительства. На местном уровне борьба шла не за вновь учрежденный пост губернского комиссара, а за формирование собственных демократических органов власти.

Е.Л. Зубашев пытался убедить местную общественность в необходимости выборов правительственного комиссара: «Временным правительством предоставлено Народным собраниям право самим организовывать и устраивать свою власть, но, несмотря на это, губерния не должна представлять отдельной республики. правительство считает, что для объединения действий местных органов и для надзора за законностью их действий необходимо на местах избрать лицо, являющееся представителем центральной власти» [Там же. 19 мая]. Однако его заявления не встретили никакой поддержки, и комиссар вынужден был покинуть город, так и не выполнив возложенных на него задач.

Еще одна попытка правительства назначить комиссара «сверху» также не увенчалась успехом. На должность был выбран управляющий бывшей казенной палатой Маршанг. Однако предполагаемый комиссар так и не вступил в должность, столкнувшись с серьезным противодействием Исполнительного комитета Народного собрания, который видел в таком назначении возвращение к старому строю: «Исходя из точки зрения революционного момента, мы, несомненно, должны допустить, что Временное правительство не только имеет право, но и имеет обязанность назначить комиссаров, т.е. сотрудников, на началах демократического управления на местах. И вот с этой точки зрения мы приветствуем их назначение. Но мы, несомненно, должны протестовать, когда Временное правительство хочет нас взять в ежовые рукавицы путем назначения представителя старого правительства» [11. Л. 46].

В конечном итоге правительство вынуждено было пойти на уступки и назначить комиссаром главу местного Комитета общественного порядка и безопасности Б.М. Гана, в противном случае центральная власть могла лишиться всякого контроля за положением дел на местах. Можно говорить о том, что такое решение правительства было вынужденным компромиссом. Все попытки центральной власти вмешаться в местные дела намеренно остро воспринимались как ущемление демократических основ устройства власти. Представители городской общественности, высказы-

вая недовольство по поводу назначения комиссаров из центра, апеллировали к таким конструкциям, как «представители старого строя», «царская бюрократия», «губернаторы и сверх-исправники под названиями губернских и уездных комиссаров». В ситуации углубляющегося кризиса, а также в связи с отсутствием рычагов контроля и давления Временное правительство вынуждено было принять условия с мест.

Стоит отметить, что в дальнейшем практика назначения губернских комиссаров из местных общественных деятелей стала преобладающей. Правительство объясняло это тем, что представители местной политической элиты были хорошо знакомы с условиями и имели авторитет в обществе. Такие идеи представляются разумными и впоследствии будут взяты за основу конструкции власти антибольшевистскими силами Сибири на начальном этапе Гражданской войны. Однако главная проблема Временного правительства заключалась в том, что ему не удалось установить контроль над местной администрацией, сделать комиссаров проводниками своей политики. Местные общественные деятели были хорошо знакомы со спецификой региона, однако нередко действовали в обход интересов центра. Институт комиссаров встраивался в местные условия и терял свое первоначальное значение. Так, например, видный член правительства А.В. Колчака Григорий Густавич Тельберг отмечал по этому поводу: «Б.М. Ган хотя и числился комиссаром Временного правительства, но по существу был только представителем губернского исполнительного комитета, проводившего свою собственную политику...» [12. 7 авг.]. Стоит отметить, что мероприятия общественных комитетов зачастую оказывались малопродуктивными. Их работу осложняли отсутствие правовой базы и неопределенность функций, а также постоянное увеличение численности комитета. В итоге аморфная власть революционного периода, зачастую подменявшая управление «демократическими» процедурами, теряла популярность в обществе, что сказывалось и на авторитете центрального правительства. В поддержку данных выводов можно также привести слова Г.Г. Тельберга. Так, рассуждая о конструкции власти периода Временного правительства, он отмечал следующее: «Немудрено, что центральная власть, опиравшаяся на такую уродливую организацию местного управления, уподобилась в своих действиях не столько суверенному органу государства, сколько безрукому калеке с его судорожными потугами установить порядок в хаосе потревоженного дома...» [Там же].

Февральская революция ознаменовала начало демократизации органов власти на всех уровнях, однако в виду ее стихийности Временному правительству не удалось взять этот процесс под свой контроль. Вскоре такая ситуация вылилась в конфликт интересов центра и новой губернской власти. Можно говорить о том, что Временное правительство было не готово взаимодействовать с Томским временным комитетом общественного порядка и безопасности в том виде, в каком он оформился после революции. Правительство делало ставку на институт комиссаров, который дол-

жен был стать проводником новых политических реалий из центра. Однако местная политическая элита Томской губернии не видела необходимости в этом и была готова к созданию собственных демократических институтов. Такая ситуация привела к конфликту интересов центра и губернии по поводу должности комиссара.

Правительство также стремилось усовершенствовать управление через децентрализацию и приобщение к власти широкого круга людей. Большое внимание было направлено на организацию выборов в органы местного самоуправления. Однако именно это направление политики Временного правительства признается исследователями ошибочным. Принятый закон о всеобщем избирательном праве для формирования земств всех уровней допустил избрание в органы местного самоуправления представителей левых партий, в том числе большевиков. В волостные же земства избирались в основном крестьяне. Председателями и секретарями земских волостных управ зачастую становились бывшие волостные старшины и писари. Таким образом, с одной стороны, «новые учреждения оказались, как две капли воды, похожи на старые, и не внесли никаких новых методов в старую работу», а с другой стороны, неприятие земства в сибирской деревне после выборов практически сразу же сменилось открытой борьбой с ним [13. С. 105].

Созданное и вынужденное функционировать в сложных политических условиях земство проявило себя как некомпетентное, неспособное решить насущные бытовые проблемы населения. Таким образом, наблюдался некий институциональный парадокс – земские и городские самоуправления соответствовали идеологии революционной демократической власти, а также казались естественной опорой в условиях слома царского местного аппарата управления, но не справлялись со своими обязанностями и зачастую действовали в своих собственных интересах. Так, полная передача власти земским и городским самоуправлениям грозила обернуться потерей контроля со стороны правительства над положением дел на местах. Данный факт также свидетельствовал о том, что правительство было не готово обеспечить полную «свободу» власти на местах.

6 декабря 1917 г. власть в губернском центре перешла к большевикам, однако уже 31 мая 1918 г. в ходе антибольшевистского вооруженного восстания Западно-Сибирский комиссариат Временного правительства автономной Сибири (ЗСК) объявил себя региональной властью. Основной своей политической задачей Комиссариат считал восстановление органов местного самоуправления, себя же расценивал как временный орган. На местах образовывались коллегиальные комиссариаты, все их функции были по-прежнему нацелены на скорую передачу власти земским и городским самоуправлениям. Такая тенденция объясняется эсеровским составом вновь образованного органа власти. Эсеры сыграли важную роль в антибольшевистском перевороте и получили возможность контролировать вновь образованные властные структуры, возглавив ЗСК, а также местные органы власти.

Заметно активизировались и представители кадетской партии. Однако эсеры и кадеты практически не имели точек соприкосновения относительно вопроса о конструкции власти, что вскоре привело к серьезным разногласиям.

Согласно исследованиям Н.С. Ларькова [14. С. 25] большинство членов ЗСК имели богатый опыт царских тюрем, ссылки, а двое из них – Б.Д. Марков и П.Я. Михайлов – участвовали в террористической деятельности. Б.Д. Марков называл себя «не иначе как “волевым аппаратом”, а универсальным руководящим документом на все случаи жизни считал эсеровскую партийную программу» [15. С. 104]. Что касается других представителей власти, П.Я. Михайлова и М.Я. Линдберга, то председатель Временного правительства автономной Сибири П.Я. Дербер отзывался о них следующим образом: «Это какие-то большевики, совершенно не представляющие себе ни смысла, ни размера работы» [Там же]. Так, можно говорить о том, что большая часть членов комиссариата были яркими представителями партии социалистов-революционеров, готовых отстаивать свои идеи любыми способами. Около недели большинство членов ЗСК находилось в Томске, затем, 5 июня, комиссариат переехал в Новониколаевск, а уже в середине июня в освобожденный от большевиков Омск. С отъездом ЗСК в Томске создавался новый коалиционный комиссариат. Во вновь созданный орган вошли присяжный поверенный председатель губернской земской управы Н.В. Ульянов, председатель городского врачебно-санитарного совета А.А. Грацианов и помощник присяжного поверенного штабс-капитан Ф.И. Башмашников [12. 8 июня].

Комиссариат задумывался как основное связующее звено между местной и центральной властью. Организация новых властных институтов осложнялась тем, что она проходила в обстановке крайней неразберихи. После переворота не были налажены контакты между отдельными пунктами, где действовало антибольшевистское подполье, что затрудняло становление единого руководящего центра. Также на местах активность вновь проявляла политическая элита, не дожидаясь указаний из центра, объявляя себя «Уполномоченными Сибирского правительства». Можно говорить о том, что комиссары не справлялись со своими обязанностями. Многие из тех, кто оказался в органах власти, пользовались авторитетом у населения, но порой не имели административного опыта, были далеки от проблем управления [16. С. 134]. Так, постановления из центра не выполнялись должным образом, и восстановление земств затягивалось. Объясняется это и тем, что население сибирских деревень относилось к созданию земств с недоверием, весь опыт самоуправления в Сибири ограничивался сельской общиной. Также для сельского населения была незнакома и непонятна сама система выборов. Все очевиднее становилось несоответствие эсеровских взглядов на конструкцию власти реалиям времени. Демократические принципы могут быть эффективными только при условии наличия согласия в обществе по основным политическим вопросам, а также

высокого уровня правосознания и экономического достатка у населения. Такие характеристики едва ли соответствовали сибирскому обществу периода Гражданской войны.

Также стоит отметить, что намечался конфликт во властных политических кругах. Кадеты настаивали на более консервативных преобразованиях власти. Так, Комиссариат прибегает к коррекции своего политического курса. В связи с трудностями в восстановлении земств признается более долгий путь существования губернских и уездных комиссариатов как временных органов, меняются их функции. 29 июня 1918 г. ЗСК было издано постановление, по которому губернским (областным) комиссариатам предоставлялось право издавать обязательные постановления, т.е. предоставлялись полномочия бывших губернаторов. Изменения коснулись и органов государственного управления, коллективный состав органов постепенно заменяется единоличными руководителями. Также комиссариат выступает против пребывания в органах местного самоуправления представителей левых эсеров и большевиков [17. 23 дек.]. Столкнувшись с несоответствием идей народовластия и условий военного времени, а также не найдя прочной опоры в обществе, комиссариат все заметнее склоняется в своей политике в сторону консервативных сил. Стоит отметить, что на данном этапе, параллельно с развитием гражданской власти в губернии, началось формирование военных структур. Военные приняли активное участие в антибольшевистском перевороте, что позволило им считать себя полноправными участниками процесса становления новой власти. Так, «многие из местных воинских начальников принципиально не хотели делиться властью с эсеровскими эмиссарами» [14. С. 26]. В губернии шло постепенное усиление власти военных, этому способствовал и тот факт, что в течение лета 1918 г. Сибирь оставалась театром военных действий.

С переходом власти к Временному Сибирскому правительству (ВСП) ситуация продолжает меняться, на смену революционной риторике окончательно приходит идея наведения порядка в обществе и укрепления государственности. Правительство все чаще стало заявлять о необходимости твердой власти на местах. Также уставшее от революционного хаоса и нарастающих проблем население выступало за стабилизацию и скорейшее преодоление трудностей. Основные положения новой идеологии организации регионального управления отразились в интервью Г.Г. Тельберга газете «Сибирская жизнь» в августе 1918 г.: «Сибирское временное правительство должно спешно и энергично создавать себе на местах такую целесообразную организацию власти, которая была бы залогом его силы, обеспечением его прочности, проводником его намерений и чинителем его воли...» [12. 7 авг.] Эти идеи укрепления властного начала напрямую влияли на изменение функций местных органов управления. Согласно правительственному постановлению от 15 июля 1918 г. [18. С. 65] на губернских комиссаров возлагалось командование армией и обязанности по охране государственного по-

рядка и общественного спокойствия на местах. Так, комиссары наделялись чрезвычайными полномочиями и должны были стать прочными проводниками власти правительства.

Тенденция укрепления местной власти прослеживается и в изменении ее структуры. Постановлением правительства от 18 июля 1918 г. коллегиальные губернские и уездные комиссариаты были заменены единоличными губернскими и уездными комиссарами [18. С. 86]. Таким образом, восстанавливался институт губернских (областных) и уездных комиссаров и их помощников в том виде, в каком он существовал при Временном правительстве. Было восстановлено действие «Положения о губернских (областных) и уездных комиссарах» от 19 сентября 1917 г. Положение было основано на идее передачи власти на местах земствам, оно предусматривало сохранение за комиссаром лишь функции надзора за законностью деятельности государственных учреждений и органов самоуправления. Однако комиссар определялся как «представитель правительства», это и было взято за основу новой власти. На подчиненной ему местности комиссар наделялся правительственными полномочиями.

Однако со сменой внешнего облика власти прежние проблемы не исчезли. Правительству не удавалось достичь прямого исполнения своих постановлений на местах, разрешить кадровую проблему: «В каждой губернии предписания министра внутренних дел исполняются постольку, поскольку они не идут в разрез с собственными взглядами губернского комиссара», – характеризовал ситуацию Г.Г. Тельберг [12. 7 авг.]. В условиях войны гражданская администрация не смогла взять ситуацию в губернии под свой контроль, и реальная власть постепенно сосредоточивалась в руках военных – особых военных начальников, начальников военных районов, начальников гарнизонов и военных комендантов. В кризисной ситуации, когда общество находится на пике противоречий в социальном, экономическом и политическом плане, привычные гражданские механизмы контроля оказываются недейственными. Власть концентрируется в руках наиболее сильной «инстанции», способной быстро принимать решения. Так, в данный период единственно действенной инстанцией, отвечающей нуждам времени, оказалась армия. Немаловажным фактором усиления роли военных являлось отсутствие формы взаимоотношения между гражданской и военной властью. В такой ситуации усиление роли военных было неизбежным.

Эта ситуация быстро эволюционировала в сторону военной диктатуры и привела к государственному перевороту в ноябре 1918 г. в Омске и провозглашению Верховным правителем России адмирала А.В. Колчака. С переменами в высших властных кругах произошли и некоторые изменения во внешней организации губернской администрации: 28 декабря 1918 г. губернские, областные и уездные комиссары были переименованы в управляющих губерниями (областями) и уездами. Новому правительству было необходимо обозначить ясную грань между властью революционного времени

и сильной централизованной властью. Потому термин «комиссар» как человек, временно наделенный специальными полномочиями, представлялся теперь неприменимым. Губернскому правлению был передан аппарат силового принуждения – милиция. В то же время усиливался контроль над местной властью со стороны правительства, что также объясняется ухудшением социальной обстановки – увеличением числа противоправительственных выступлений, забастовок. Таким образом, отмечалась двойственность в государственной политической риторике. Укрепление государственной власти в губернии сопровождалось повышением роли военных. Можно говорить о том, что после установления режима Колчака произошла дальнейшая милитаризация власти. Военные все больше включались в повседневную жизнь. В Томске этот период был связан с именем капитана Б.М. Михайловского, занимавшего пост управляющего губернией. Михайловский продолжал тесно сотрудничать с военными властями, привлекать их к наведению порядка в губернии, а также сам старался проводить жесткую политику по решению местных проблем. Так, на открытии съезда управляющих губерниями Б.М. Михайловский говорил о том, что «в губернии невежество и невоспитанность народа, полное отсутствие понятия о гражданской дисциплине. Революция разрушила все разумное. Однако мы сумеем твердой рукой навести порядок» [19. С. 103].

Стоит отметить, что местная гражданская власть сопротивлялась усилению силовых структур. Так, уездные комиссары считали, что обеспечение государственного порядка и безопасности должно осуществляться гражданскими властями, а действия военных возможны только при обращении к ним за помощью гражданской администрации. На совещании уездных комиссаров представители уездов высказывали предложение «иметь некий запас милиционеров, чтобы впредь не прибегать к содействию воинских частей» [20. 5 марта].

Несмотря на заявление правительства о том, что твердая власть должна быть закономерной, «...никогда не следует забывать, что военное положение – это чрезвычайная мера, поэтому и пользоваться ею необходимо с особой осмотрительностью» [Там же. 7 янв.]. На местах зачастую эти лозунги лишь провозглашались, а их исполнение было делом далеко не первой важности. Сама идеология центральной власти создавала атмосферу некой вседозволенности силовых структур, позволяла военным активно влиять на гражданскую жизнь.

Разрастание масштабов Гражданской войны требовало дальнейшей централизации власти, а слабость органов гражданского управления и самоуправления превращала армию в единственный инструмент проведения государственной политики. В то же время чрезмерное вмешательство военных в политику, их фактическое слияние с властью вызывали недовольство населения, что стало одной из причин падения белого режима на востоке России.

Подводя итог становлению и развитию небольшевистской региональной власти, следует отметить, что

Февральская революция ознаменовала собой период глубоких перемен и потрясений в обществе. Прежние властные структуры были быстро разрушены, произошла стихийная децентрализация власти на всех уровнях. На местах были быстро образованы новые управленческие структуры в лице временных комитетов, которые взяли на себя функции государственных органов. Однако такая ситуация не устраивала правительство, оно предприняло попытку утверждения института комиссаров, однако данному институту не удалось стать прочным проводником политики центра. Такая ситуация вскоре привела к потере контакта центральной власти с региональными элитами и населением и, как следствие, к потере поддержки правительства в народе.

С началом Гражданской войны в Сибири Западно-Сибирский комиссариат первоначально делал ставку на восстановление органов местного самоуправления с опорой на институт комиссаров, но в условиях углубляющегося вооруженного противостояния эти принципы были малоэффективными. Начинает утверждаться идея о необходимости установления сильной государственной власти для поддержания порядка на местах, воплощением которой опять же стали комиссары, полномочия которых были значительно расширены. Комиссар как представитель центральной власти в губернии должен был иметь кон-

троль над принудительным аппаратом и обладать чрезвычайными полномочиями. Однако на практике институт комиссаров был далек от исполнения тех функций, что ему приписывались. Негативно сказывалось назначение комиссаров из представителей местной общественности. С одной стороны, представители элиты были хорошо знакомы с местными условиями, но с другой стороны, они были зависимы от региональных политических элит, местные интересы зачастую выходили на первый план, что превращало государственное управление в неэффективное.

После ноябрьского переворота и установления режима А.В. Колчака усиление власти на местах продолжалось, однако параллельно шел процесс усиления власти военных. Новой проблемой на данном этапе стало взаимоотношение гражданских и военных властей, в основе которого лежала милитаризация власти. В обстановке Гражданской войны военные принимали активное участие в гражданских делах. В свою очередь, без помощи военных гражданские власти часто были бессильны в поддержании порядка. В итоге усиление власти на местах, в котором антибольшевистские силы видели элемент укрепления режима, скорее превращалось в возрастание произвола местных управляющих и военных. Этот фактор сыграл немаловажную роль в падении антибольшевистского режима на востоке страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьева В.А. Томский комитет общественного порядка и безопасности в 1917 г. // Материалы научной конференции по истории Сибири, посвященной 50-летию Великого Октября. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1967. С. 8–11.
2. Бабикова Е.Н. Двоевластие в Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 159 с.
3. Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: армия и борьба за власть. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. 252 с.
4. Никитин А.Н. Органы местной власти «белой» Сибири // История «белой» Сибири : тез. Второй науч. конф. (4–5 февраля 1997 г.). Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. С. 95–97.
5. Дмитриенко Н.М. Городское самоуправление в Томске в годы революции и Гражданской войны (1917–1919) // Труды Томского областного краеведческого музея : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 12. С. 139–146.
6. Герасименко Г.А. Взаимоотношения центральных и местных органов власти при Западно-Сибирском комиссариате и Временном Сибирском правительстве (на примере Томской губернии) // Труды Томского областного краеведческого музея: сб. ст. Томск, 2002. Т. 12. С. 122–126.
7. Сибирская жизнь (Томск). 1917.
8. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М. : Проспект, 1997. 470 с.
9. Зубаишев Е.Л. Моя командировка в Сибирь // Вольная Сибирь. Общественно-экономический сборник. Прага : Изд. Общества сибиряков в ЧСР, 1927. № 2. С. 94–111.
10. Голос Свободы (Томск). 1917.
11. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 34.
12. Сибирская жизнь (Томск). 1918.
13. Мальцева Т.В. Волостное земство Сибири в годы Гражданской войны // История «белой» Сибири : тез. Второй науч. конф. (4–5 февраля 1997 г.). Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. С. 104–107.
14. Ларьков Н.С. Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны – летом 1918 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск : Изд-во Сиб. отделения РАН, 1996. № 2. С. 24–30.
15. Шишкин В.И. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: дискуссионные вопросы организации и деятельности // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в.: материалы VII Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). Новосибирск : Нонпарель, 2011. С. 103–119.
16. Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М. : НИИ, 2004. 334 с.
17. Вестник Томской губернии (Томск). 1918.
18. Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 года). Вып. II / сост. Е.В. Луков, С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. 192 с.
19. Звягин С.П. Руководители Томской губернии в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.). Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2011. 191 с.
20. Вестник Томской губернии (Томск). 1919.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 мая 2015 г.

TRANSFORMATION OF PUBLIC AUTHORITIES AND ADMINISTRATION IN TOMSK PROVINCE DURING THE REVOLUTION AND THE CIVIL WAR (1917–1919)

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 67–73. DOI: 10.17223/15617793/399/12

Kozlova Dina S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dina.my-mail@yandex.com

Keywords: Revolution in Russia; Civil War; history of Siberia; White movement; regional powers.

The Revolution and the Civil War are the periods of the strongest confrontation of socio-political powers and their alternative ways of social development. This period in Russian history is not an exception. The antagonism of the two cardinaly opposite ways of the country's development: the radical Bolshevik way and the conservative democratic way (that was taken as a basis by non-Bolshevik Siberian authorities), became the strongest point of the confrontation. The February Revolution marked the period of great changes and shocks in society. Former political structures were destroyed and the spontaneous decentralization of the power at all political levels started. In the context of the former regional powers collapse, new political structures were soon formed. It was provisional committees that took government functions. However, this situation was unacceptable for the Government and soon led to a conflict between the center and the regions. The Government made a stake on the institution of commissars that was meant to be the proxy of the new political realities from the center. The West Siberian Commissariat, which replaced the Provisional Government, originally made a stake on restoration of self-government with the support of the institute of commissars. However, in the conditions of the Civil War these principles were ineffective. The strong government authority was necessary to keep local authorities under control. State commissars were an embodiment of strong power. During this period, some Commissariat members were inclined to the union with the conservative forces. It showed even more distinctly in the period of the Provisional Siberian Government. The commissar as a representative of the central power in the province supposed to have control over the coercive and emergency powers. However, in practice the institute of commissars was far from execution of its original functions. After Admiral Kolchak's takeover in November 1918, the strengthening of the commissars' power continued. The state control over the local authorities was also stressed. Militarization of the local power occurred as a new problem in this period. In the context of the Civil War, the Army played an active role in daily life. As a result, strengthening of the regional authorities soon turned into an increase of lawlessness of local authorities and military. It is possible to say that neither of non-Bolshevik governments in Siberia managed to form an effective system of provincial authorities. This factor became decisive in the collapse of the "White" institutions.

REFERENCES

1. Solov'eva, V.A. (1967) [Tomsk committee of public order and safety in 1917]. Materials of scientific conference on the history of Siberia, dedicated to the 50th anniversary of the Great October Revolution. Tomsk: Tomsk State University. pp. 8–11. (In Russian).
2. Babikova, E.N. (1980) *Dvoevlastie v Sibiri* [Dual power in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Lar'kov, N.S. (1995) *Nachalo Grazhdanskoj vojny v Sibiri: armiya i bor'ba za vlast'* [Beginning of the Civil War in Siberia: the army and the struggle for power]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Nikitin, A.N. (1997) [Local authorities of the "White" Siberia]. *Istoriya "beloy" Sibiri* [History of the "White" Siberia]. Proc. of the second conference. 4–5 February 1997. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 95–97. (In Russian).
5. Dmitrienko, N.M. (2002) *Gorodskoe samoupravlenie v Tomske v gody revolyutsii i grazhdanskoj vojny (1917–1919)* [Municipal government in Tomsk during the Revolution and the Civil War (1917–1919)]. In: Yakovlev, A.Ya. (ed.) *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum]. V. 12. Tomsk: Tomsk State University.
6. Gerasimenko, G.A. (2002) *Vzaimootnosheniya tsentral'nykh i mestnykh organov vlasti pri Zapadno-Sibirskom komissariate i Vremennom Sibirskom pravitel'stve (na primere Tomskoy gubernii)* [Relations between central and local authorities in the West Siberian commissariat and Provisional Siberian Government (by example of Tomsk Province)]. In: Yakovlev, A.Ya. (ed.) *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum]. V. 12. Tomsk: Tomsk State University.
7. *Sibirskaya zhizn'*. (1917).
8. Titov, Yu.P. (1997) *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii* [Readings on the history of state and law of Russia]. Moscow: Prospekt.
9. Zubashev, E.L. (1927) *Moya komandirovka v Sibir'* [My trip to Siberia]. In: *Vol'naya Sibir'. Obshchestvenno-ekonomicheskij sbornik* [Free Siberia. Socio-economic collection]. Is. 2. Prague: Izd. Obshchestva sibirjakov v ChSR.
10. *Golos Svobody*. (1917).
11. The State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-166. List 1. File 34.
12. *Sibirskaya zhizn'*. (1918).
13. Mal'tseva, T.V. () [A rural municipality district council of Siberia during the Civil War]. *Istoriya "beloy" Sibiri* [History of the "White" Siberia]. Proc. of the second conference. 4–5 February 1997. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 104–107. (In Russian).
14. Lar'kov, N.S. (1996) *Antisovetskij perevorot v Sibiri i problema vlasti v kontse vesny – letom 1918 g.* [The anti-Soviet revolution in Siberia and the problem of power in late spring – summer 1918]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian sciences in Siberia*. 2. pp. 24–30.
15. Shishkin, V.I. (2011) [West Siberian Commissariat of the Siberian Provisional Government: discussion questions of organization and activity]. *Problemy istorii gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya Sibiri v kontse XVI – nachale XXI v.* [Problems of the history of public administration and local government in Siberia in the late 16th – early 21st centuries]. Proc. of VII All-Russian Scientific Conference. Novosibirsk. 6–8 June 2011. Novosibirsk: Nonparel'. pp. 103–119. (In Russian).
16. Nikitin, A.N. (2004) *Gosudarstvennost' "beloy" Rossii: stanovlenie, evolyutsiya, krushenie* [Statehood of the "White" Russia: the formation, evolution, collapse]. Moscow: NIB.
17. *Vestnik Tomskoy gubernii*. (1918).
18. Lukov, E.V., Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (1998) *Zakonodatelnaya deyatel'nost' belykh pravitel'stv Sibiri (iyun' – noyabr' 1918 goda)* [Legislative activity of the white governments of Siberia (June – November 1918)]. Is. II. Tomsk: Tomsk State University.
19. Zvyagin, S.P. (2011) *Rukovoditeli Tomskoy gubernii v gody Grazhdanskoj vojny (1918–1919 gg.)* [Leaders of Tomsk Province in the Civil War (1918–1919)]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
20. *Vestnik Tomskoy gubernii*. (1919).

Received: 20 May 2015